

В тот день дорога на гору пролетела незаметно — идти вдвоем всегда веселее. Добравшись до вершины, Сатору первым делом бросился вовсе не к Яге. Сгорая от любопытства, он тут же потребовал, чтобы Сугуру открыл свою сумку и показал, что внутри.

Сатору-то воображал, будто там сокрыто какое-нибудь запечатанное проклятое оружие — древнее семейное наследие, — ну или на худой конец глупый розыгрыш с выпрыгивающим кулаком. Однако в сумке оказались лишь гостинцы, которые Сугуру привез из родных мест. Собственных вещей у него было с гулькин нос: всего несколько аккуратно сложенных футболок и штанов, упакованных в вакуумные пакеты и задвинутых в самый угол. Что до сладостей, то Сугуру позаботился обо всех и заботливо подобрал угощения под вкус каждого. Сатору, к примеру, досталось традиционное вагаси, доверху набитое сладкой пастой из бобов адзуки.

Пирожное выглядело как очаровательная розовато-белая кошачья лапка. Оно было сладким — приторным до безумия, но Сатору даже много лет спустя помнил этот нежный, тающий на языке вкус бобовой пасты. Тогда они стояли под сенью величественных каменных тории у входа в школу. Избалованный наследник великого клана, Сатору по привычке заставил друга держать коробку, а сам небрежно подцепил пальцами лапку-вагаси. Весеннее солнце согревало их тонкие, но уже крепкие юношеские фигуры. Для дождливого начала весны это был поистине щедрый подарок природы. Бездонное небо сияло пронзительной, чистой лазурью, а на плечи ребят медленно опадали лепестки сакуры.

Да. Светлое, ясное небо. Харе.

Сознание вернулось в реальность. Образ юного Сугуру растаял в угасающем взоре Сатору. Тот с усилием повернул голову, устремив взгляд туда, где далеко-далеко высилось Родовое гнездо клана Годжо. Ему почудилось, будто сквозь разделявшие их мили пробился тихий, едва различимый плач новорожденного. Пушистые белые ресницы дрогнули и тяжело опустились, лишая мир небесного света Шести Глаз.

С этим вздохом ушла целая эпоха. На грани сна и смерти он прошептал — едва слышно, одним лишь дыханием:

— Харе... Расти счастливым.

Семнадцать лет спустя

— И это все? Так мои родители и встретились?

В уютном, залитом мягким светом кафе у самого окна ютились шестеро. В этом уголке было тесновато, но никто не спешил расходиться.

Посреди стола высился именинный торт. Свечи на нем еще не зажгли, но нежный аромат взбитых сливок уже дразнил аппетит. Впрочем, никто из собравшихся не обращал на угощение внимания. Стоял канун Рождества, Сочельник. Из колонок лились праздничные мелодии, весь

зал пестрел рождественским декором, а у нарядной елки то и дело устраивали фотосессии веселые компании. На фоне этой суеты притихший столик у окна выделялся слишком явно, привлекая любопытные взгляды случайных прохожих и посетителей.

Спросивший был черноволосым юношей. На его переносице красовались круглые темные очки, а нижняя половина лица пряталась в пушистом клетчатом шарфе бордового цвета — парень явно не жаловал зимнюю стужу. Этот шарф он получил буквально пару минут назад от сидящей слева шатенки с короткой стрижкой. Подарок пришелся как нельзя кстати. Женщина тоже носила темные очки, скрывавшие едва заметный шрам у левого глаза.

Почувствовав, как за столом повисло тяжелое молчание, именинник высвободил лицо из теплого плена. Очки скользнули на кончик носа, приоткрыв потрясающие, пронзительно-голубые глаза — точную копию тех, что когда-то принадлежали Сатору. Окинув друзей веселым, задорным взглядом, парень попытался разрядить обстановку:

— А я-то всю голову сломал! Отец — Годжо Сатору, я вроде как нынешний глава его клана, но почему-то ношу фамилию Гето. Оказывается, вот оно что...

За все годы никто и словом не обмолвился о прошлом. Детские воспоминания давно стерлись, превратившись в невнятную дымку, и Харе искренне считал себя плодом какой-нибудь мимолетной интрижки отца по молодости.

Сидящий напротив Итадори Юдзи тоже впервые слышал об этой стороне жизни своего наставника. Загоревшись любопытством, он подался вперед:

— Госпожа Иэири, а что было дальше?

Юдзи и Нобара прекрасно помнили, как вскоре после поступления в Техническую школу магии вдруг застучали Годжо-сенсея за скупкой детских погремушек и подгузников. Новость о том, что у него есть сын, повергла их в шок. Они собирались расспросить Мегуми и сэмпая Инумаки, но грянул инцидент в Сибуре, и всем стало резко не до семейных тайн.

Сам Харе буквально сгорал от нетерпения — особенно теперь, когда заметил, какими тревожными взглядами обменялись дядюшка Фусигуро и дядюшка Инумаки.

Сёко кашлянула и по привычке потянулась к карману за сигаретами. При племяннике она никогда не курила, так что этот жест заставил юношу внутренне подобраться. Атмосфера неумолимо накалялась.

Под прицелом пяти пар глаз женщина сделала глубокий вдох, шумно выдохнула и посмотрела прямо на именинника.

— Харе... видишь ли, изначально ты не был человеком.

— Чего? — парень растерянно моргнул. — Это что еще за новости? Я что, собакой родился, что ли?

Сёко одной фразой загнала в ступор Харе, Юдзи и Нобару. Троица уставилась на нее, широко распахнув глаза. От такого пристального внимания бывшая одноклассница величайших магов почувствовала себя не по себе. Мысленно она в сотый раз обругала Сатору за то, что тот спихнул на нее столь щекотливое объяснение, и с горечью признала: семнадцать лет назад она была непростительно наивной, раз решила, что справится с этой задачей без труда.

Поколебавшись, женщина попыталась смягчить удар:

— На самом деле я хотела сказать, что ты сирота.

«И почему это прозвучало еще обиднее?» — подумал Харе.

— Тётушка Сёко, вы ведь до сих пор на меня злитесь, да? — осторожно поинтересовался парень, глядя на нее своими невероятно чистыми, сияющими глазами.

— Да нет же, я о том, что...

— Это я перепутал бирки на чашках Петри у вас в лаборатории! Но дядя Юдзи караулил на шухере, так что мы соучастники!

Они заговорили одновременно, но Сёко замолчала на полуслове, а Харе выпалил все на одном дыхании.

Юдзи тут же прижал ладонь к лицу, не смея поднять глаза на доктора, и зашипел на племянника:

— Харе... твою напravo, сейчас вообще не лучшее время для чистосердечных признаний!

«Да замолчи ты уже, мелкий паршивец!»

Сёко молча сломала зажатую между пальцами сигарету. Запах раскрошившегося табака мгновенно вьелся в кожу. Она достала новую и перевела взгляд на окно. Там, на заснеженной улице, прогуливались счастливые семьи с детьми. На душе у нее стало щемяще и тоскливо.

— В день твоего рождения погода была куда лучше, чем сегодня, — вздохнула женщина. — На закате лучи солнца заливали переулок теплым золотом... Сама я этого не видела, знаю лишь со слов Сатору.

В миг, когда судьбы двоих сильнейших сошлись на границе жизни и смерти, их проклятая энергия внезапно вошла в резонанс и слилась воедино. Сатору тогда даже не понял, что произошло — весь его мир сузился до одного-единственного человека. Он словно ослеп и оглох: перед глазами стояло лишь бездыханное тело Сугуру, а в ушах набатом стучали его прощальные слова. Сатору сидел на корточках перед вечным соперником и единственным другом, и лицо его было маской абсолютного безразличия. В ту минуту казалось, будто жизнь ушла из обоих.

И лишь когда он поднял тело Сугуру, собираясь уходить, Шесть Глаз наконец вернули ему связь с реальностью. Сатору потрясенно замер, устремив взор вверх. В воздухе, свернувшись клубком, парил крошечный проклятый зародыш — проклятое чрево.

— У Сатору тогда земля уходила из-под ног, — продолжала Сёко. — Ученики ранены, а тут еще старейшины из Главного управления магии требуют немедленного отчета. Разорваться он не мог, поэтому просто набрал Идзити и приказал забрать проклятое чрево.

О подробностях того Ночного парада сотни демонов знали лишь очевидцы — Маки, Тогэ, Юта. Даже Мегуми слышал об этом впервые. За столом воцарилась мертвая тишина. Все ловили каждое слово Сёко.

Сёко мельком глянула на отражение Харе в оконном стекле. Мальчик сидел, опустив голову, пряча эмоции. Помешав ложечкой остывающий кофе, она тихо произнесла:

— Этим проклятым чревом был ты.

В ее голосе прозвучала редкая, почти материнская нежность. Она ведь помнила его совсем крохой и всем сердцем сопереживала его непростой судьбе.

Харе вскинул голову и с напускным облегчением прижал ладонь к груди:

— Фух, ну слава богу! А то я уж действительно испугался, что родился дворнягой. Оказывается, я просто проклятие! Надеюсь, я не был каким-нибудь страхолудиной с огромной башкой и одним косым глазом?

Он изо всех сил пытался шутить, но от этой фальшивой жизнерадостности у сидевших за столом магов лишь сильнее сжималось сердце. Сёко, решив подыграть парню, слабо улыбнулась:

— Вовсе нет. Ты с самого первого дня был очаровательным младенцем. Правда, когда Сатору уходил, ты представлял собой сморщенный кокон в мыльном пузыре из чистой проклятой энергии. Но спустя два часа, когда Идзити наконец прибыл на место со своими людьми, барьер истончился. Внутри него, мирно посапывая, спал крошечный, нежный малыш. Они там все чуть ума не лишились от изумления.

— Именно из-за твоей необычной природы старейшины сразу прибрали тебя к рукам. Тебя заперли в секретной лаборатории под кодовым именем «Экспериментальный образец 1224».

24 декабря. День его рождения — и день смерти Гето Сугуру.

Осознание этого тяжелым камнем легло на плечи юноши. Натянута улыбка сползла с его лица.

— Впрочем, пробыл ты там всего одну ночь, — добавила Сёко. — На следующий день явился Сатору, пинком вышиб бронированную дверь лаборатории и унес тебя к себе.

— Да уж, в его репертуаре, — тепло усмехнулся Юдзи, вспоминая сумасбродные выходки учителя.

— Лосось, — согласно кивнул Тогэ. Он лично присутствовал при том грандиозном скандале, и на его лице, почти не изменившемся за эти годы, промелькнула светлая грусть.

— Я тоже смутно помню то время, — подал голос Мегуми. — Годжо тогда оборвал мне весь телефон, расспрашивая, какие игрушки и погремушки я любил в младенчестве.

Кто вообще помнит себя в таком возрасте? Мегуми тогда не раз ловил себя на мысли, что у его опекуна окончательно поехала крыша.

— Сатору пришел за тобой на день позже только потому, что ту ночь он провел на кладбище, — мягко пояснила Сёко, чтобы у мальчика не возникло ощущения, будто его бросили. — Он своими руками похоронил Сугуру и до самого рассвета сидел у его могилы.

— Старейшины упорно звали тебя «Образцом 1224». Сатору это бесило, и он дал тебе имя — Харе, Ясный День. Верхушка долго не желала признавать твое существование. Но стоило тебе открыть глаза — точно такие же Шесть Глаз, как у Сатору, — как они мигом сменили гнев на милость, решив вырастить из тебя послушное оружие.

Сёко говорила спокойно, буднично, будто все бывшие невзгоды давно унесло ветром времени. Но правда заключалась в том, что те годы дались Сатору невыносимо тяжело.

Он никогда в жизни не нянчился с младенцами. Магический мир требовал от него невозможного, одновременно содрогаясь от страха перед его силой и оплетая сетями подозрений. Сатору крутился как белка в колесе. И ему некому было открыть душу — ведь единственный человек, способный понять его без слов, лежал в сырой земле. Сильнейший шагал по жизни в абсолютном, звенящем одиночестве.

Сёко тогда даже предлагала отдать ребенка на попечение Главного управления, чтобы избавить друга от вечных проверок и визитов ищеек, требовавших отчеты и замеры проклятой

энергии. Но Сатору и слушать ничего не желал.

— Я совсем этого не помню... — тихо произнес Харе.

Как бы он ни напрягал память, перед мысленным взором всплывали лишь обрывочные образы: широкое теплое плечо, сильные руки, бережно качающие его перед сном, и мокрое пятно от детских слюней на безупречной, дорогой рубашке. В памяти всплывал едва уловимый, прохладный аромат сладостей, вечно исходивший от отца, и мягкие белые пряди волос, щекотавшие щеку. Больше ничего. А о Сугуру он и вовсе не знал ровным счетом ничего.

— И не должен, — мягко коснулась его плеча Сёко. — Сатору строго-настрого запретил нам поднимать эту тему. Он хотел, чтобы ты рос обычным счастливым ребенком. Он всегда повторял, что лишать детей детства — такое же преступление, как красть юность у молодых магов.

Харе опустил взгляд на именинный торт, на белую глазурь и аккуратные кремовые узоры. В горле встал комок.

— Но почему... почему вы решили рассказать мне все именно сегодня?

<http://bllate.org/book/19043/1900284>